

ЖИЗНЬ ТЕНОРА

Фрагменты из книги Леонида Махлиса

В минувшем году исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося тенора, камерного певца и кантора, непревзойденного интерпретатора еврейских традиционных песен Михаила Александровича. В московском издательстве "Весь мир" вышла первая монография о жизни и творчестве этого едва ли не самого загадочного феномена в мире оперы и камерного вокала, оставившего глубокий след в истории мировой музыки. "Шесть карьер Михаила Александровича. Жизнь тенора" - так называется книга живущего в Мюнхене журналиста и писателя Леонида Махлиса. С М.Александровичем автора связывала тридцатилетняя тесная дружба. Биографические и исторические исследования и уникальные документы чередуются в ней с рассказами очевидца и участника описываемых событий, а серьезные размышления писателя - с историями, притчами и искрометным юмором, которым отличался артист.

Европейская известность пришла к прославленному рижанину с его дебютом на большой сцене - в 9 лет. Недетский репертуар самородка (Шуберт, Шуман, Григ, Мендельсон, Гречанинов, Римский-Корсаков и другие) и зрелая интерпретация вызвали растерянность авторитетных музыковедов 1920-х годов, которые смогли подыскать лишь мистическое объяснение этому чуду. Александрович оставался на сцене 75 лет, поражая критиков и слушателей во всем мире сценическим долголетием и недостижимой вокальной техникой, которыми он обязан своему учителю Беньямино Джильи.

В прошлом выпуске приложения "Время новостей" был опубликован материал об этой уникальной монографии, ее главным героем и авторе. По просьбе редакции Леонид Махлис предоставил нам для публикации фрагменты из его книги, которые мы предлагаем читателям в газетном варианте.

Леонид Махлис

делить в хор православной церкви. Аристократ был до такой степени полон решимости, что помешать дьявольскому плану могли только высшие силы. И они помешали. Накануне "киднепинга", когда Ниси открыл было рот для исполнения возложенной на него сольной партии, присутствовавшие услышали лишь сдвоенный хриплый рык. Ниси потерял голос и вместе с ним свою привлекательность для незадачливого "благодетеля". Зловещий замысел лопнул, как мыльный пузырь. Но вернемся в более цивилизованные времена.

- Я готов заключить с вами контракт на любых условиях, - пояснил Юрок, - но, боюсь, что нашим иммиграционным властям это не понравится: в Америке детский труд запрещен. А если Миша уже будет находиться на американской земле, я, пожалуй, сумею договориться с министерством труда - янки обожают сенсации. Вот моя визитная карточка. Как приедете - сразу звоните.

- Легко сказать "как приедете", - размышлял Давид. - А как "приедете"?

Идея эмиграции семью Давида не увлекала. Да если бы и увлекла, из этого вряд ли что получилось бы. Поезд ушел. Свежий закон об эмиграции захлопнул золотые ворота перед носом миллионов жителей катящейся под откос Европы. "Мать изгнанников" (из сочета Эммы Лазарус "Новый колосс", начертанного на пьедестале статуи Свободы) устала держать открытый всем гудзоновским ветрам факел. С массовой эмиграцией было покончено. Годовую квоту жестко ограничили 150 тысячами человек. На всю Латвию из этого числа было выделено 384 визы.

за пределами европейского небосклона. И не кем-нибудь, а самим Солом Юроком. Тогда еще молодой импресарио, Юрок уже и сам становился восходящей звездой американского большого шоу-бизнеса...

Охота за детскими голосами - старинный спорт. О том, как далеко может завести страсть к нему, свидетельствует история знаменитого кантора и композитора Ниси Бельера. Он в детстве обладал красивым альтом, который не оставил равнодушным богатого и влиятельного аристократа, наслаждавшегося выступлением хора кишиневской синагоги. Тот был настолько пленен талантом мальчика, что решил весьма нетривиальным способом принять участие в его судьбе. Он задумал выкрасть мальчика темной ночью, увезти тайно в Санкт-Петербург, крестить его и опре-

...Хмурым сентябрьским утром берлинский поезд остановился перед высокой башней, венчавшей здание в Jugendstil в портовой части Гамбурга. Над порталом красовалась надпись, которая будила самые дерзкие мечты и фантазии - "Mein Feld ist die Welt" ("Весь мир у моих ног").

- Что вы стоите, входите, не бойтесь, здесь не кусаются, - услышали путешественники совсем рядом на "польском" идише. - Если хотите, я помогу вам заполнить бумажки и договориться. Это будет вам совсем недорого.

Давид поблагодарил добровольца и направился к двери. Помещение с высоченными арочными окнами, пропахшее несвежей одеждой и канцелярским клеем, было окаймлено деревянным барьером. За стойками - вышколенные чиновники в черных фуражках. На стене назойливо повторялся уже знакомый слоган, словно кто-то еще сомневался в коммерческом успехе его изобретателя. Из-за спины вырос еще один волонтер. Он прикоснулся к дорожным реквизитам, которые Давид держал в руке вместе с потертым чемоданом, и искренне удивился:

- Ой, еще один Мойше-капойрэ (непутевый - идиш). Так вам же не сюда. Здесь для бедных.

Зал действительно предназначался не для уважаемых пассажиров с билетами и визами, а для "аусвандерер" - беженцев. До войны здесь яблоку негде было упасть. Сколько сирых и обездоленных прошло через эту дверь в неизвестность, как в черную дыру, знает только безупречная немецкая статистика...

Побродив вдоволь по Гамбургу, Александровичи зашли в небольшое заведение с вывеской, обещавшей домашние кошерные обеды. Внутри действительно было по-домашнему уютно, даже чем-то напоминала мамину привокзальную закусную. За соседним столиком за стаканом лимонада два еврея, не обращая ровным счетом никакого внимания на посетителей, увлеченно обсуждали вечнозеленый вопрос - как в обход нового иммиграционного закона попасть в Америку. Их беседа почему-то усилила внутреннюю тревогу, и без того вот уже несколько дней не покидавшую Давида. Способ, который они с азартом заговорщиков анализировали, казался фантастическим. Нужно всего лишь добраться до Гаваны, а там уже суший пустяк - за десять долларов любой контрабандист доведет до Майами.

- Цэдэрэйтэр ("двинутый" - идиш), - пробормотал Давид, не отрывая рассе-

ОСТРОВ СЛЕЗ

При всей фабульности и красочности история рождения кометы по имени Александрович, слава Богу, лишена тривиальных завитушек, наподобие "одним прекрасным утром он проснулся знаменитым". Не было ничего случайного, привнесенного, неотработанного. Но могло и быть, окажись в распоряжении Давида, отца вундеркинда, большие деньги на раскрутку, выражаясь современным языком. Если смотреть на юного гастролера как на сформировавшегося художника (а для публики и, с некоторыми оговорками, для рецензентов именно таким он и был), то можно утверждать, что у этого маленького человека ушло на обретение всеобщего признания полжизни. Концерты 1924-1925 годов лишь завершили этап. Комета была замечена звездочетами далеко

ТАИНСТВО ВЕЛИКОГО ТАЛАНТА

Бывший ректор Московской государственной консерватории профессор Борис Иванович Куликов написал небольшое предисловие к книге Л.Махлиса. К сожалению, по техническим причинам этот текст не вошел в монографию. Автор книги решил воспользоваться случаем, чтобы донести мудрые слова до читателя и попросил редакцию включить их в эту публикацию

▲▲▲

Когда тебе немало лет, является особая, пристальная и драгоценная тщательность в оценках самых дорогих явлений и образов ушедших времён и эпох. Но иные события и люди предстают не только явственно незабываемо, но они и как бы не мо-

гут или не хотят войти в обличье прошедшего. Истинно неповторимое, пройдя все изгибы, перегибы, обрушения, драматизмы и трагизмы далёких и совсем уж недалёких лет, обретает свежие силы, новый статус памяти.

Так радостно и благобно читать эту книгу. Повествование, на мой взгляд, содержит немало глубинных, выстраданных проникновений в таинство рождения и цветения великого таланта. Артистическое, музыкальное чудо Михаила Александровича властно отнесено к самым высоким достижениям исполнительского искусства. Художественный мир артиста кажется безграничным.

Маэстро благодарно и всемерно предоставил, отдал свою жизнь служению Господу и Искусству. Шедевры Александровича, его всепроникающее вокальное совершенство, неподвластность всему суетному, модному, потребному, безмерно благородны,

чрезвычайно независимы, шемяще искренни. Особенно непосредственное, столь памятное концертное восприятие Александровича, всегда наполненное редчайшим эстетизмом чистоты человеческого счастья. Как очевидно все это обозначилось, вспыхнуло в тот момент, когда уже в преклонном возрасте через много-много лет певец вновь взошел на сцену Большого зала Консерватории, когда зал встал ликующе! Это было не только выдающимся событием мировой культуры, но и знаком великой судьбы.

Убежден, что все, кому привелось в свое время быть слушателями-участниками этих дивных певческих праздников в концертных залах, в радиосетях, документальном кино, несут в сердцах на долгие времена трепетное ему "Спасибо!" и славление. Думается, что благодарение созданному Александровичем будет неизбывным.

Борис КУЛИКОВ

פאלאסטעאטער היינט דינסטאג ד. 6 יאנואר

נאר 1 קאנצערט נאר 1

פון 8 יאָריגן וואונדערקינד, דעם זינגער

מישא

אלעקסאנדראוויטש

אין פראגראם:

אידישע פאלקס-לידער
קדיש, די דודלע, אלי-אלי, אין חדר, ושמרו.
קלאסישע ראמאנסן
שטייקאוסקי, ראכמאנינאוו, רובינשטיין, גרעטשאניאוו, שובערט
ווי אויך דאס בארימטע ליד, דער נאכטיגאל.

ביים פארטעפיאן, קאמפאזיטאר אַסקאר סטראָק
אַנבאנג פונקט 9 אינאָונט
דער טעאטער איז גוט באהייצט
בילעטן שוין צו באקומען אין קאסע פון טעאטער פאלאס

Афиша выступления вундеркинда Миши Александровича

янного взгляда от куриной шейки.

- Почему все хотят в Америку? - спросил Миша.

- Америка - большая страна, там не бывает погромов.

- Россия тоже большая.

- Россия... Нашел, с чем сравнивать. Русские бегут даже в Латвию, когда есть возможность. Как Шломо Розовский. А Шаляпин? Я что-то не слышал, чтобы музыканты бежали из Америки в Россию. Но американцы тоже не такие добренькие. Они каждый год снижают свою дурацкую квоту и скоро совсем перестанут впускать евреев, кроме этих... контрабандистов. - Давид презрительно кивнул в сторону соседнего столика. - И почему мы не уехали до войны, как дядя Морис и дядя Зелик?

- А они точно приедут за нами?

- Если они получили мою телеграмму, то приедут, - ответил Давид, но уверенности в его голосе Миша не услышал...

▲▲▲

...На следующее утро Миша выскользнул из каюты на цыпочках, боясь разбудить отца, и отправился в первое самостоятельное путешествие - по кораблю... Поплутав самую малость по лабиринтам корабельной утробы, Миша выбрался на застекленный променад. Вчерашний дождь остался где-то позади, на настилах мрачных причалов Булони и Саутгемптона, тучи расплзлись ключьями, свинцовая спайка между водой и небом мало-помалу начинала впитывать цветовые оттенки. Еще был виден британский берег, который уныло покачивался вверх-вниз в унисон скрипу такелажа. Через полчаса Миша мог уже с закрытыми глазами найти и теннисные корты, и боулинг, и ресторан a la carte, и курительный салон, и дамскую гостиную, и зал отдыха, и открытое кафе, и крытый бассейн с примыкающим тренажерным залом, и ведущие ко всей этой роскоши элеваторы и даже цветочный магазин. Изрядно устав от экскурсии, он уже был готов пуститься в обратный путь, когда из-за открытой двери в музыкальный салон до него донесли звуки его любимой "Колыбельной" Моцарта.

Миша заслушался упругим контральто и не заметил, как оказался на краешке кожаного кресла, утонувшего в китайском ковре под невысокой пальмой кентиа в крашеной кадке, совсем близко от певицы. У рояля стояла не очень молодая женщина с шалью на крепких плечах. Она продолжала репетировать,

лишь глазами ласково поприветствовала незваного гостя.

...Закончив, певица подошла к Мише.

- Ты любишь слушать музыку? - спросила она по-немецки.

- Простите, я вам, наверное, мешаю. Я сейчас уйду. Я... Проходил мимо... Да, я очень люблю Моцарта.

- Любишь Моцарта? Ты пианист?

- Нет, но все говорят, что я хорошо пою.

Смушение улетучилось, а простота, с

1945 год. Михаил Александрович по просьбе и с разрешения властей выступает как кантор в Московской хоральной синагоге

которой Миша произнес последние слова, заставила женщину отказаться от снисходительных ноток в голосе:

- Так, может, ты хочешь спеть что-нибудь для нас?

Мальчик на несколько секунд заколебался - он еще никогда не пел без Зегора. С ним так легко. Но старик был сейчас далеко.

Аккомпаниатору уход от снисходительных интонаций давался куда трудней, и он обратился к мальчику, подавляя улыбку:

- Что мы будем петь, маэстро?

- "Venetianisches Gondellied" Мендельсона.

Миша не придал значения безмолвной сцене, во время которой взрослые обменялись недоуменными, почти растерянными взглядами. Он подошел к роялю. При опущенной крышке они были одного роста.

Миша спокойно и легко выводил мелодию "Венецианской баркаролы", на-

полняя ее свежестью и чувствами неземного происхождения.

▲▲▲

- Меня зовут Зигрид Онегин. Я хочу пригласить тебя на обед, чтобы ты рассказал мне о своей жизни и об учителях, - сказала женщина, оправившись от изумления, когда Миша закончил петь. - Меня просили спеть завтра вечером для гостей, мы могли бы сделать это вместе. Как ты на это смотришь?

Но он заторопился - отец наверняка уже давно разыскивает его по всему судну.

Выслушав рассказ сына, Давид про себя отметил, что еще немного - и Мишка вообще перестанет нуждаться в его посреднических услугах. Что ж, главное сделано, а дальнейшее - вопрос удачи. Когда они пришли в музыкальный салон, Зигрид встретила Мишу как старого знакомого и представила гостей высокому улыбающемуся господину в красивой форме. Она уже успела рассказать о знакомстве со странным пассажиром третьего класса и об идее совместного выступления мужу Фрицу Пенцольдту и капитану судна Томасу Киру, который пожелал лично взглянуть на вундеркинда. После обеда все вернулись в музыкальный салон, где по просьбе взрослых Миша спел "Ручей" Шуберта. Кир тут же санкционировал его участие в концерте и поздравил Давида с одаренным сыном. На память об этом

концерт. Так и подмывало взглянуть - не выстроилась ли очередь (как это было когда-то) за билетами и к магазину писчебумажных товаров на ул. Авоту, 25, или к киоскам Фурмана и Гельмана, которые тоже объявлены в газетных анонсах. Но теперь все, увы, было иначе. Осталось ли что-нибудь в памяти слушателей от того ошеломляющего впечатления? Или отныне ему придется довольствоваться увядшей славой "бывшего вундеркинда" (именно так писали газеты)? Что делать со своей артистической карьерой человеку, который начал ее с самой вершины? Слушатель-то, сам того не подозревая, по-прежнему ждет чуда. На Робертино Лоретти в начале 1960-х будет работать целая индустрия звукозаписи. Его нежный голос на заезженных пластинках будет ласкать души еще долго после того, как мальчуган, став жертвой то ли той самой природы, которая щедро одарила его в детстве, то ли недобросовестных датских менеджеров, нещадно эксплуатировавших юное дарование, превратится в заурядную посредственность, а злые языки начнут язвить, что Робертино "потерял голос задолго до того, как потерял невинность". В своих юбилейных интервью Лоретти не без горечи вспоминал, что его гастрольные поездки длились по пять месяцев и подразумевали два-три концерта в день, что в его распоряжении были самолет и вертолет, в то время как мальчик мечтал покататься с друзьями на велосипеде, а вместо контрольных ему приходилось писать автографы очумевшим фанатам. И сегодня вы можете без труда приобрести компакт-диск с "Ямайкой".

А неслышанное чудо Александровича-альта растаяло без следа. Теперь Александровичу-тенору все надо начинать с нуля. Легко сказать... Конечно, публика будет аплодировать свежеспеченному тенору, на то она и публика, но ведь прошло столько лет... Да и голос еще не окреп. Правда, уже появились верхи, на которых особенно чисто дается пиано, и известная свобода в выборе репертуара, который к этому времени пополнился Моцартом, Доницетти, Бизе, Массне.

Концерт открывал хор Вайсбейна (восемь мужчин и около сорока детей) "Аллилуйя" из оратории Генделя "Мессия", но не на латыни, а на иврите, на слова известной молитвы "Халель". Хор "Пейтав шул" славился исполнением Генделя. Не меньшей популярностью пользовался и хор общества "Олим", с успехом исполнявший оратории И.Гайдна "Сотворение мира" и "Времена года". Дирижируя хором, Вайсбейн, по обыкновению, пел со всеми вместе, помогая басовым партиям своим исключительно красивым баритоном.

Но "Аллилуйя" как увертюра к канторскому дебюту молодого певца? Не слишком ли смелое композиционное решение?

Исполнение христианской музыки в стенах синагоги в большинстве случаев одобрялось толкователями Закона, если это не сопровождалось прославлением идолопоклонничества, т.е. текстом, противоречащим смыслу еврейской литургии. Пока шла полемика на эту тему, эстетическое начало в музыкальном сопровождении обращения к Всевышнему как центрального события еврейской жизни прокладывало себе дорогу.

▲▲▲

вечере у Миши осталась модель корабля, преподнесенная ему самим капитаном...

ПРИНЦ УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

... "Алт-Найе шул" была забита до отказа. От бывшего предконцертного спокойствия Миши не осталось и следа. Читатель помнит, как 9-летний вундеркинд по дороге на свой первый концерт, не замечая нервозности взрослых, буднично и безмятежно шагал по улице, засматриваясь на витрины и нарядных прохожих и непринужденно болтая с братом и сестрой на отвлеченные темы. Его и сейчас влекли некоторые витрины - передвигаясь по тротуарам родного города, его тянуло как бы невзначай пройти мимо своего старого дома на Мариинской, 8. Теперь в нем располагался книжный магазин Ремигольского, торговавший билетами на предстоящий

стр. 24-25

Терпимость ортодоксального истэб-лишмента и еврейская открытость по отношению к европейской музыкальной традиции подняли еврейскую певческую культуру на высочайший уровень, сделали ее "демократичней".

Руководители хоров, в свою очередь, заботились о музыкальном образовании хористов и о текстах из Святого Писания на иврите (в Литве и Польше хоры исполняли оратории и на идише), которые вдыхали в церковную музыку новый смысл и новое звучание, не затрагивая христианской музыкальной эстетики. В сочетании с хасидскими традициями и различными направлениями канторского искусства синагогальное пение становилось интегральной частью общеевропейской культуры, синтезирующей ее высшие достижения с еврейским религиозным экстазом и задушевностью, с лиризмом еврейского песенного фольклора...

Разве изменил своему Богу шолом-алейхемовский Йоселе-Соловей, сраженный звуками музыки, сопровождавшей католическое богослужение? "Песнопения потрясли душу, а прекрасный голос человека наполнил сердце до краев, вызывая множество разных дум. Йоселе представлялось, что именно так должны были петь левиты, играя на органе и воздавая хвалу Господу Богу, Владыке всех владык, и сердце его трепетало безмерно и летело к облакам". Высокая духовность, на какой бы почве она ни произрастала, наднациональна и служит единому Богу.

...Когда прозвучали последние аккорды финала "Мессии", Вайсбейн, отдавая дань торжественности момента, как и тогда, в октябре 1923-го, за руку вывел к публике своего питомца, выросшего, можно сказать, у него на коленях, - никому не известного тенора Михаила Александровича. Маленький принц из прошлого принес себя в жертву взрослым, которые нуждаются в утешении...

ТАНГО СМЕРТИ

В Тбилиси можно было попасть только через Азербайджан. В конце года новый Мишин концертный администратор Муля Фиаксель отбыл в Баку для переговоров о выступлениях Александровича. Директор Бакинской филармонии Горенштейн выслушал администратора, не жалевшего красок для никому не известного "известного солиста Литовской оперы". Наконец Горенштейн, чувствуя, что его взяли за горло, сдался на милость Фиакселя. Через полчаса в Ташкент ушла телеграмма: "Срочно выезжай баку муля".

Железнодорожная магистраль Ташкент-Красноводск (ныне - Туркменбаши) по мере наступления немцев превращалась в "дорогу жизни". Маршевый ритм платформ, цистерн, вагонов не умолкал ни днем, ни ночью, увлекая на восток демонтированные заводы и депортированные народы. Эвакуационная лавина сметала на своем пути остатки надежды на победу, сея недоброе предчувствия. Сейсмологическая расшифровка активности магистрали могла бы заменить труд сотен вражеских лазутчиков. До Красноводска добирались около пяти суток. Однако переправиться на другой берег Каспия тоже оказалось непросто. Пароходы и баржи ходили исправно,

Израиль. С премьер-министром Голдой Меир

но на билеты денег не было. Яша Калецкий оказался не только чутким аккомпаниатором, но и смекалистым попутчиком. В его багаже нашлись шесть бутылок водки, припасенных на черный день. Теперь они оказались как нельзя более кстати. Вырученных за них денег как раз хватило на три билета 3-го класса...

...В Баку артистов ждали Фиаксель и комфортабельный номер в гостинице "Интурист", в которую прибывшие не вписывались из-за своего потрепанного вида. Из ресторана доносились соблазнительные запахи турецкого кофе и жареной скумбрии, но запахами сыт не будешь, и Александрович, отупевший единственным костюмом, идет знакомиться с Горенштейном.

Директор филармонии был настолько радушен, что Миша понял, как он недооценивал способности Мули. Горенштейн сделал вид, что не заметил свежей заплаты на башмаке гостя и поверил его на ходу придуманной байке о том, как их обворовали в Красноводском порту, протянув Александровичу аванс - 150 рублей. В гостиницу Миша вернулся с буханкой хлеба. Жизнь налаживалась. Александрович был очарован и городом, и уникальным концертным залом филармонии, и приемом, но главное заключалось в другом: с легкой руки Горенштейна Баку стал городом, где Александрович в январе 1942-го дал свои первые в СССР сольные концерты...

В грузинскую столицу они прибыли спустя 10 дней. В Тбилиси их встретил и взял на себя все хлопоты по устройству администратор МХАТа Игорь Нежный. Тбилиси стал "военной базой" Александровича на следующие полтора года.

...По мере обострения ситуации на фронтах и приближения немцев в Тбилиси под покровом затемнения участились случаи бандитизма, нападения на русских и особенно на военных. Вместе с новым назначением Махоньков полу-

чил из рук Лаврентия Павловича карт-бланш. Он мог карать и миловать по своему усмотрению, но в Тбилиси должен был восстановлен порядок. Махоньков не обманул ожиданий командования и на этот раз. Ему понадобилось для выполнения приказа всего несколько дней. "На меня Махоньков произвел очень хорошее впечатление, - писал в своих мемуарах о встрече с полковником военкор майор Павел Кованов. - Волевой человек. Город во многом ему обязан образцовым порядком. Хорошо, что требует и с солдата и с офицера соблюдения строгой дисциплины. Это и на гражданское население ободряюще действует".

Что верно то верно. Приемы борьбы с подозреваемыми в дезертирстве, паниктерстве и пораженческих настроениях действительно бодрили - их

кова в городе был восстановлен порядок, в Тбилиси прибыл Лаврентий Берия. Вожди, как известно, обожают оперу. Когда Александр Яковлевич пригласил Раю в театр, где она сможет "живьем" услышать Веру Давыдову и увидеть самого Берия, девушка была вне себя от счастья. От орлиного взгляда восседавшего в соседней ложе Лаврентия Павловича не ускользнула красота двадцатилетней Раечки. Не дожидаясь антракта, Берия вызвал к себе Махонькова и без всяких церемоний приказал: "Я хочу, чтобы ты привез свою спутницу на банкет, который устраивает сегодня в мою честь правительство Грузии". Ничего не подозревавшая Раечка наслаждалась оперой, когда побелевший Махоньков вернулся. После представления Александр Яковлевич начал торопить Раечку, сославшись на неотложные дела, затем отвез ее в гостиницу и строго приказал до завтрашнего утра не выходить из номера. Рая терялась в догадках по поводу столь резкой перемены в поведении покровителя и даже пыталась обидеться на него, но

как было объяснить этому невинному созданию, какие тучи сгустились над ее головой. Махоньков был человеком Берии и прекрасно знал его повадки не понаслышке. Слухи, гулявшие в свое время по Москве, о десятках и сотнях жертв неумной похоти наркомки впоследствии обросли документированными подробностями, списками жертв, свидетельскими показаниями подручных (например, начальника охраны Берии полковника Саркисова) и даже стриптизно-ностальгической мемуаристикой "рабынь любви" (Нина Алексеева). Согласно этим слухам, если у Берии возникали сомнения в том, что жертвы будут держать язык за зубами, он их попросту умерщвлял, иногда собственноручно.

Но слухи слухами, а Махоньков действительно посмел (быть может, в первый и последний раз в жизни) послушаться приказа, и даже рассказал о случившемся Мише, когда тот вернулся из очередной поездки на фронт. То ли Махоньков что-то удачно наплел шефу, то ли Берия отвлекли невеселые дела, творившиеся на фронте, но полковник не только не навлек на себя гнева всемогущего Берии, но и получил повышение - 10 ноября ему было присвоено звание генерал-майора.

Махоньков первым делом приехал к Александровичам. Он был возбужден и вел себя, как первоклассник накануне первого учебного дня - крутился перед зеркалом, требуя, чтобы Рая помогла устранить шероховатости генеральского экстерьера. Та, как могла, что-то ушивала, прилаживала, подглаживала. Когда все было закончено, Махоньков позвал друзей на прогулку по городу...

...Вскоре генерала Махонькова отзовут в Москву с повышением в должности, и встретиться с ним Александровичам больше не довелось, хотя он служил в Москве до 1947 года.

Рассказывая мне о событиях тех дней, Александрович дал свою оценку "нерешительности" Берии: "Ничего удивительного, что Берия меня панически боялся - ведь он был всего лишь членом ГКО, а я - членом ВГКО".

2014 год. Очередь за автографами автора. Презентация книги "Шесть карьер Михаила Александровича. Жизнь тенора" на Московской международной книжной ярмарке

расстреливали на месте. Без церемоний.

Опека, которую абсолютно бескорыстно предложил Александровичам их новый друг и покровитель, оказалась неоценимой. После августовской поездки под бомбами Миша уже не решался брать Раю с собой в прифронтовую зону. Она оставалась в Тбилиси под присмотром (надежней не придумаешь!) самого Махонькова, который питал к осиротевшей "маленькой балерине" отцовские чувства. Как-то ночью в гостиничный номер ввалился пьяный офицер. Услышав иностранный акцент Раечки, он набросился на нее с воплями, что вот, мол, понаехали иностранные паразиты и "всякие тут", а мы, русские, должны за них кровь на фронтах проливать. Неизвестно, чем закончился бы инцидент, если бы Рая, улучив момент, не выскочила в коридор и не бросилась в вестибюль к администратору за помощью. И тут произошло непредвиденное - навстречу двинулся сам Махоньков. Остаток ночи дебошир провел в комендатуре, а на расспросы Раи о его дальнейшей судьбе Александр Яковлевич впоследствии почему-то только отшучивался. Но по-настоящему неизгладимую память о себе на всю жизнь Махоньков оставил у Александровичей поступком, который мог ему самому стоить "ободряющих" последствий.

Когда благодаря стараниям Махонь-